

ISSN 0869-4362

Русский
орнитологический
журнал

2017
XXVI

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
1466
EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Издаётся с 1992 года

Т о м ХХVI

Экспресс-выпуск • Express-issue

2017 № 1466

СОДЕРЖАНИЕ

- 2727-2733 О функциональном значении ярко-белых пятен на хвосте вальдшнепа *Scolopax rusticola*. С. А. Ф Е Т И С О В
- 2734-2738 К питанию ополовника *Aegithalos caudatus* в Воронежской области. О . Г . К И С Е Л Ё В
- 2738-2744 Урагус *Uragus sibiricus* в Калачинске и его окрестностях (Омская область) в 2017 году. В . В . З А М Е Т Н Я
- 2744-2745 К орнитофауне Катон-Карагайского национального парка. А . Н . Ч Е Л Ы Ш Е В
- 2745-2748 О похищении восточными чёрными воронами *Corvus corone orientalis* продуктов и использования в пищу мыла. Н . Н . Б Е Р Е З О В И К О В
- 2748-2753 О зимних ночёвках синиц в Предбайкалье. Г . Б . З О Н О В
- 2753-2754 О гнездовании дубоноса *Coccothraustes coccothraustes* в Окском заповеднике. Ф . В . И В А Н О В
- 2754-2755 Наблюдения птиц на бывшем дне Аральского моря в мае 2007 года. А . Ф . К О В Ш А Р Ь
-

Редактор и издатель А.В.Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

Р у с с к и й о р н и т о л о г и ч е с к и й ж у р н а л
T h e R u s s i a n J o u r n a l o f O r n i t h o l o g y
Published from 1992

V o l u m e X X V I
Express-issue

2017 № 1466

CONTENTS

- 2727-2733 On functional significance of bright white spots on the tail
of the woodcock *Scolopax rusticola*. S . A . F E T I S O V
- 2734-2738 To the feeding of the long-tailed bushtit *Aegithalos caudatus*
in the Voronezh Oblast. O . G . K I S E L E V
- 2738-2744 The long-tailed rosefinch *Uragus sibiricus* in Kalachinsk
and its environs (Omsk Oblast) in 2017.
V . V . Z A M E T N Y A
- 2744-2745 To the avifauna of the Katon-Karagai National Park.
A . N . C H E L Y S H E V
- 2745-2748 Eastern carrion crows *Corvus corone orientalis* kidnap food
and eat soap. N . N . B E R E Z O V I K O V
- 2748-2753 Winter roostings of tits in Predbajkale.
G . B . Z O N O V
- 2753-2754 On breeding of the hawfinch *Coccothraustes coccothraustes*
in the Oka Reserve. F . V . I V A N O V
- 2754-2755 Observations of birds on the former bottom of the Aral Sea
in May 2007. A . F . K O V S H A R
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

О функциональном значении ярко-белых пятен на хвосте вальдшнепа *Scolopax rusticola*

С.А.Фетисов

Сергей Анатольевич Фетисов. Национальный парк «Себежский»,
ул. 7 Ноября, 22, г. Себеж, Псковская область, 182250, Россия. E-mail: Seb_park@mail.ru

Поступила в редакцию 13 июня 2017

Недавно на страницах «Русского орнитологического журнала» была повторно опубликована несколько забытая, но очень интересная статья Т.Л.Бородулиной и А.Н.Формозова (2015) о сигнальных пятнах на хвосте и особенностях строения рулевых перьев вальдшнепа *Scolopax rusticola*. В ней сообщается, в частности, об усиленном отражении света от белых пятен на конце рулевых перьев вальдшнепа и своеобразном «свечении» белой полосы на хвосте этой птицы. При этом авторами показано, что с физической точки зрения «свечение» данной полосы в глубоких сумерках вызвано особенностями микроструктуры рулевых перьев вальдшнепа, образующих систему вогнуто-выпуклых зеркал, как собирающих и фокусирующих свет, так и направленно отражающих его наподобие жемчужного экрана. Именно система рефлекторов, образованная всеми перьями хвоста при его вертикальном положении, обеспечивает, на взгляд Т.Л.Бородулиной и А.Н.Формозова, повышенную видимость белой полосы на хвосте у вальдшнепа даже в глубоких сумерках.

Публикация статьи вызвала интерес, и усиленное отражение света от белых пятен на хвосте вальдшнепа в полёте было показано в полевых условиях и экспериментально также другими авторами (Ластухин, Исаков 2016). Особенно отчётливо отражение света от пятен на концах рулевых перьев видно благодаря фотосъёмке хвоста вальдшнепа в лаборатории и компьютерной обработке снимков (рис. 1). Так что само явление «свечения» белой полосы на хвосте вальдшнепа и существование весьма сложной обеспечивающей его структуры рулевых перьев, конечно, не вызывает никакого сомнения. Другое дело — как объяснить это явление и появление обеспечивающей его структуры пера с биологической точки зрения, т.е. понять функциональное значение «свечения» белых сигнальных пятен на рулевых перьях вальдшнепа?

На данный момент мне удалось найти в литературе единственное объяснение значения «свечения» ярко-белой концевой полосы на хвосте вальдшнепа, предложенное в первую очередь описавшими это явление авторами (Бородулина, Формозов 2015). На их взгляд, такая полоса совершенно незаметна в течение большей части года, но хорошо

видна во время токования вальдшнепа на земле даже в густых сумерках под кронами деревьев, когда она, видимо, играет определённую роль в общении особей разного пола. Однако, на мой взгляд, это пока никем строго не доказано, тем более, что сама структура рулевых перьев, обеспечивающая «свечение» белых пятен на хвосте вальдшнепа, принципиально не меняется, по-видимому, в течение всего года, кроме сезона линьки.

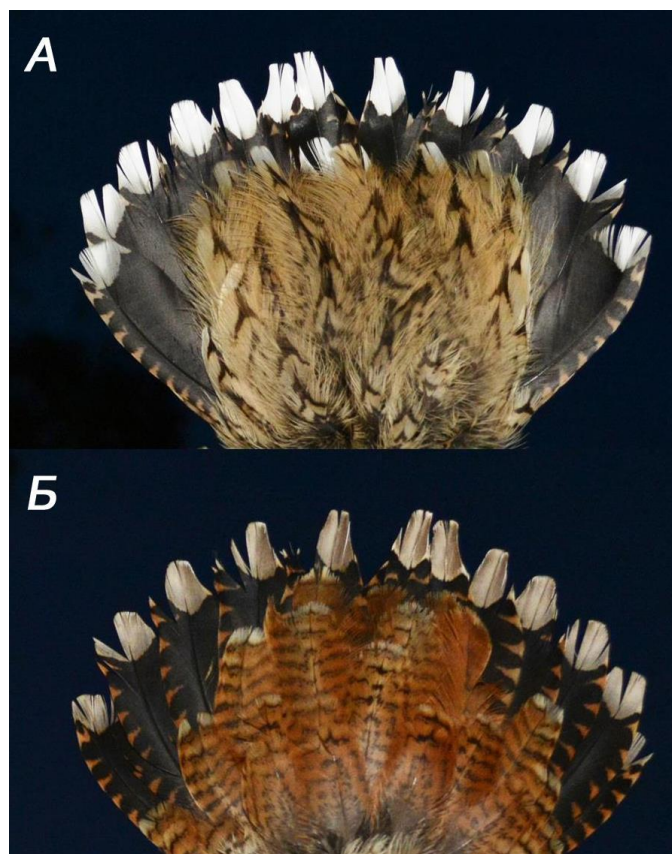

Рис. 1. Внешний вид хвоста вальдшнепа *Scolopax rusticola* с вентральной (А) и дорзальной (Б) сторон. «Свечение» белых пятен хорошо выражено на концах рулевых и нескольких нижних кроющих хвоста на вентральной стороне (А) и практически отсутствует на дорзальной стороне (Б) хвоста вальдшнепа. Фото А.А.Ластухина (по: Ластухин, Исаков 2016).

Своеобразное строение рулевых перьев, играющих особое значение в брачных играх, свойственно многим видам Scolopacinae (например, обыкновенному *Gallinago gallinago*, азиатскому *G. stenura* и японскому *G. hardwickii* бекасам, лесному дупелю *G. megala* и др.), поэтому не является исключением из этого правила и вальдшнеп, хотя он и принадлежит к особому роду (Бородулина, Формозов 2015). В доказательство такой версии приводятся наблюдения, опубликованные Е.В.Козловой (1962) и свидетельствующие о том, что, найдя самку во время «тяги» (брачного полёта вальдшнепа) и сев рядом с ней на землю, самец «... ходит вокруг самки, опустив крылья, раскрыв веером хвост и взъерошив перья на шее и голове».

В последнее время появились также новые, причём гораздо более детальные описания брачного поведения и приёмов ухаживания самца вальдшнепа за самкой (Фокин, Зверев 2003). В частности, теперь точно известно, что после уединения самца и самки на земле и тот и другая распускают хвосты веером. При этом становятся хорошо видны белые кончики их рулевых перьев, которые, вероятно, больше и ярче у старых особей, чем у молодых. Раньше, когда охота на «тяге» была разрешена в Западной Европе, охотники специально использовали высушенные и раскрытые веером хвосты вальдшнепов, расставляя их в местах «тяги» для того, чтобы привлечь пролетающих мимо самцов. Хотя, на мой взгляд, не следует и преувеличивать «магическое» воздействие белых пятен на самцов вальдшнепа, потому что, как широко известно среди охотников России, тот же результат — изменение направления полёта и посадка самца на землю — достигается при появлении летящего самца просто путём подбрасывания в воздух шапки, имитирующей в сумерках взлетевшую с земли и снова севшую самку.

Однако только ли в брачном поведении вальдшнепа используются сигнальные белые пятна на хвосте и подхвостье? Для ответа на этот вопрос приведу две фотографии (рис. 2), сделанные мною в начале мая 2000 года в Себежском Поозерье, на юго-западе Псковской области. Не зная истинной причины действий изображённого на них самца вальдшнепа, вполне можно предположить, что он демонстрирует определённые элементы своего брачного поведения. Однако это не так. На самом деле на фотографиях изображён один и тот же самец, легко раненный мной во время вечерней «тяги», ещё до наступления сумерек, и утративший способность к полёту. Он был пойман после выстрела спаниелем. Я тщательно осмотрел его, но не нашёл никаких видимых повреждений и решил оставить его на опушке леса в расчёте на то, что птица окончательно придёт в себя.

Первой реакцией выпущенного из рук самца была попытка затаиться под кустом, возле которого я стоял на «тяге», но, почувствовав свободу, он начал вскоре потихоньку уходить от куста к лесу. Тогда мне захотелось сфотографировать вальдшнепа в движении по земле, и я начал быстро догонять его на открытом месте, несмотря на то, что он заметно прибавил ходу. Когда же я приблизился к самцу на расстояние около 2 м, он вдруг резко вздёрнул и развернул свой хвост, демонстрируя мне свои рулевые перья и подхвостье (рис. 2, слева). В результате вальдшнеп, хорошо сливавшийся благодаря своей окраски с окружающей растительностью, вдруг стал очень заметен — бросающийся в глаза истораживающий своим постоянным движением ярко-белых пятен на хвосте, отдалённо напоминающих «лицевой диск» или голову какого-то животного. Я думаю, что в сумерках эффект от такого «перевоплощения» был бы ещё сильнее.

Рис. 2. Демонстрационные позы легко раненого вальдшнепа *Scolopax rusticola*, преследуемого человеком. Слева – вид сбоку, справа – вид сзади и при более близком приближении к птице. Псковское Поозерье. Май 2000 года, Фото автора.

После этого – за то время, пока я делал первый снимок (без вспышки, при свете заходящего за лес солнца) – вальдшнеп отбежал от меня на 8-10 м, сложил хвост и принял свою обычную, даже несколько сгорбленную при ходьбе позу. Однако я быстро приблизился к нему снова, и он тут же повторно вздёрнул и развернул свой хвост, во всей красе демонстрируя на нём ярко-белую концевую полосу и целый ряд белых пятен на подхвостье. Более того, в этот раз его реакция была ещё более бурная, чем во время первой демонстрации. Самец на ходу припал к земле и широко распустил крылья (рис. 2 справа), в результате чего он как будто «спрятался» за веером своего неожиданно раскрытого хвоста, а его шевелившиеся в основании этого веера крылья только усиливали общую картину резкой перемены внешности убегающей от меня птицы. Вполне очевидно, что если бы этот вальдшнеп был способен взлететь, он явно выиграл бы от замешательства или возникшей настороженности у любого своего преследователя на те 2-3 с, которые нужны птице чтобы выбрать на удобное для взлёта место и успеть взлететь, пусть даже из-под самого носа врага.

Попытки продемонстрировать белые сигнальные пятна на своих рулевых перьях предпринимаются вальдшнепом и в других случаях, когда он чувствует близкую опасность или страх, хотя и не всегда такие попытки бывают одинаково успешны. Например, при ночном отлове вальдшнепов для кольцевания (в свете фары сачком на длинной ручке) попавшие под сетку особи довольно часто пытаются вздёрнуть и хотя бы частично развернуть свой хвост (рис. 3 справа), прижатый к земле сеткой, хотя белые пятна на нём с дорзальной стороны (в отличие от вентральной) почти не бросаются в глаза, и вальдшнеп в данном случае мало чем внешне отличается от своего затаившегося в траве

собрата (рис. 3 слева). Но вырвавшись из сачка и убегая прочь или даже перевернувшись на бок, вальдшнеп вновь обретает способность пользоваться своими «предостерегающими» ярко-белыми пятнами, направленными, скорее всего, на отпугивание или введение во временное заблуждение преследующих его наземных хищников.

Рис. 3. Затаившийся вальдшнеп *Scolopax rusticola* (слева); вальдшнеп, пойманный сачком (справа). Псковское Поозерье. Сентябрь 2003 года. Фото автора.

Предположение о том, что вальдшнеп не отпугивает, а, наоборот, «подставляет» хищникам свой заметный благодаря ярким белым пятнам хвост, как это делают в минуту опасности ящерицы, вряд ли уместно, потому что любой птице не так просто лишиться своего хвоста без риска для жизни. Да и наблюдения показывают, что такие случаи у вальдшнепов происходят довольно редко. Так, за 15 лет (в сентябре-октябре 1996-2010 годов) в национальном парке «Себежский» среди 322 пойманных вальдшнепов оказалось лишь 3 птицы, полностью или частично лишившихся своего хвоста (утраченные рулевые перья у них в это время уже отрастали и были в трубочках). Логичнее предположить, что отпущенное время на «предостережение» или отпугивание хищника у них истекло раньше, чем они смогли взлететь, и поэтому они лишились своих хвостов, а какая-то часть птиц в подобных ситуациях лишается, вероятно, и жизни.

Интересно также, что самки вальдшнепа никогда не демонстрируют свои белые пятна на хвосте во время реакции «отвода» от гнезда или маленьких птенцов. В частности, они не вздёргивают во время «отвода» хвост, а, наоборот, как бы свешивают его, как и ноги, вниз и, создавая шум, беспорядочно хлопают крыльями, а также непрерывно издают громкие «квохчущие» звуковые сигналы. Однако и мотивация поведения у них в это время совсем другая — не ускользнуть и не от-

пугнуть, а привлечь хищника к себе, чтобы уже потом «отвести» его в ложном направлении от затаившихся птенцов.

Точно так, скорее всего, не нужна подобная сигнальная система и в контактах между самкой и следующими за ней птенцами, потому что она будет неизбежно терпеть сбой в захламливаемых местах с ограниченной видимостью, где отставшие птенцы теряют на время из виду свою мать, а постоянная демонстрация заметных пятен будет лишь дополнительно привлекать внимание хищников. Поэтому у отставших или затаившихся птенцов вальдшнепа имеется, как известно, специальный призывный, но трудно пеленгуемый голосовой сигнал.

Таким образом, белые сигнальные пятна на рулевых перьях вальдшнепа могут иметь, возможно, бифункциональное значение: они используются им, во-первых, в качестве важнейшего фрагмента защитного поведения; во-вторых, – брачного поведения. Вряд ли возможно пока точно сказать, в связи с чем первично возникли морфологические структуры, обеспечивающие «свечение» белой полосы на хвосте вальдшнепа. Не исключено всё же, что такой причиной послужило частое преследование этих птиц наземными хищниками, после внезапного нападения которых затаившийся или отдыхающий вальдшнеп был вынужден мгновенно взлетать из любого, даже невыгодного для него положения и поэтому часто спасался сначала бегством, выбирая лучшее место для взлёта в том случае, если он находился среди густой растительности. При этом он сбивал с толку своих преследователей, неожиданно вздёргивая и раскрывая веером хвост и выигрывая лишние секунды, необходимые выбора места возможного взлёта. Именно поэтому «предостерегающие» хищников ярко-белые пятна на хвосте имеют как самцы, так и самки вальдшнепа. Вместе с тем можно предположить, что вальдшнепов гораздо реже беспокоят пернатые хищники (в том числе совы), потому что белые пятна на дорзальной стороне хвоста не отражают свет, подобно «свечению» вентральных пятен.

Что же касается объяснения элементов, связанных с демонстрацией белых пятен на хвосте, в брачном поведении вальдшнепа, то для лучшего понимания всей картины происходящего следует помнить, по крайней мере, о двух моментах. Во-первых, вальдшнеп обладает, как известно, отличным зрением, в том числе и в ночное время, поэтому ему вряд ли нужно было бы создавать дополнительную сложную систему зеркал и рефлекторов на рулевых перьях, чтобы обеспечить быструю встречу полов. К тому же для этого у этого вида существует брачный полёт самцов – «тяга», во время которой самка реагирует на голос пролетающего самца, взлетает перед ним и снова садится на землю, указывая тем самым не только место, но и готовность к встрече. Однако это не означает, что самец и самка сразу устанавливают между собой «доверительные» отношения. К чувству готовности к встрече, как

и у других птиц, у них, вероятно, примешивается сначала и чувство агрессивности, и чувство страха. Поэтому – во-вторых – могу допустить, что самец и самка при встрече вздёргивают и раскрывают свои хвосты скорее из чувства настороженности и постоянной готовности к немедленному взлёту (как перед взлётом при нападении хищника) или общего возбуждения, а не для направленной демонстрации своих ярко-белых пятен в качестве элемента брачной игры. Этому не противоречит детальное описание ухаживания у вальдшнепа, которые приводят С.Ю.Фокин и П.А.Зверев (2003): «На земле, находясь около самки, самец прекращает издавать звуки и подходит к самке сзади. Птицы гуськом друг за другом стараются переместиться на более открытый участок поляны. Самец следует за самкой с распушенным, как у косача, хвостом и вытянутой под углом 45 градусов шеей. Птицы периодически имитируют кормёжку и подпрыгивают с переворотами на 180 и 360 градусов, оказываясь, в конце концов, друг против друга. Прыжки с приподнятыми крыльями совершаются довольно длительное время. В конце концов птицы скрещивают, как рапиры, свои клювы. Это своеобразный вальдшнепиный поцелуй, чувствительные тельцы Гербста на конце клюва играют тактильную роль в этом ритуале. Вслед за этим самец запрыгивает на спину самки и спаривается, удерживая её клювом за перья затылка».

Очевидно, что находясь позади самки или оказываясь с ней друг против друга, самец не может демонстрировать самке свои белые пятна на вентральной стороне хвоста, хотя и распускает хвост веером, поэтому закономерно возникает сомнение, что эти пятна и исходящее от них «свечение» исходно возникли у вальдшнепа в качестве элемента ритуала ухаживания.

Л и т е р а т у р а

- Бородулина Т.Л., Формозов А.Н. 2015. О сигнальных пятнах оперения птиц и особенностях строения рулевых перьев вальдшнепа *Scolopax rusticola* // *Рус. орнитол. журн.* **24** (1230): 4622-4626.
- Козлова Е.В. 1962. *Ржанкообразные. Подотряд Кулики*. М.; Л.: 1-434 (Фауна СССР. Птицы. Т. 2. Вып. 1. Ч. 3).
- Ластухин А.А., Исаков А.М. 2016. Отражение света от белых пятен на хвосте вальдшнепа *Scolopax rusticola* в полёте // *Рус. орнитол. журн.* **25** (1312): 2642-2643.
- Фокин С.Ю., Зверев П.А. 2003. *Вальдшнеп и охота на него*. М.: 1-384.

К питанию ополовника *Aegithalos caudatus* в Воронежской области

О.Г.Киселёв

Олег Георгиевич Киселёв. Союз охраны птиц России, Центрально-Чернозёмное отделение.

E-mail: kiselyov.lesovik@yandex.ru

Поступила в редакцию 11 июня 2017

На протяжении 8 лет автором данного сообщения проводится зимняя подкормка птиц на одном из участков нагорной дубравы учебного хозяйства Воронежской лесотехнической академии (за северной городской окраиной). Зимой 2016/17 года в ходе наблюдений за видовым составом и поведением прилетающих на кормушки птиц были отмечены принципиально новые корма, используемые ополовником *Aegithalos caudatus*, чего ни разу не наблюдалось в предыдущие годы.

Рис. 1. Кормушка для птиц в заснеженной нагорной дубраве. Участок в учебном хозяйстве Воронежской лесотехнической академии. Январь 2017 года. Фото автора.

Зимой 2016/17 года снеговой покров установился относительно рано, 14 ноября, при средней многолетней дате ($n = 8$) 29 ноября. 26-28 ноября 2016 была оттепель, но уже с 30 ноября вновь начались морозы от -10 до -20°C (иногда и ниже). Низкие температуры воздуха для птиц

усугублялись высоким уровнем снега в лесу – до 45 см. Кроме того, на ветках деревьев и кустарников с 8 января 2017 отмечалась кухта; с 17 января толстый слой сырого снега примёрз к ветвям и держался до 18 февраля (рис. 1). Это сильно затруднило кормодобывающую деятельность птиц.

Рис. 2. Ополовник *Aegithalos caudatus* склёвывает упавшие семена берёзы. Фото автора.

Рис. 3. Ополовник *Aegithalos caudatus* клюёт несолёное свиное сало. Фото автора.

Следует отметить, что в предыдущие годы ополовники появлялись близ кормушек, но находящийся на них корм полностью игнорировали

и кормились высоко в кронах деревьев и на кустарниках. Иногда подбирали упавшие на снег семена берёзы (рис. 2). Как отмечалось в литературе, растительные корма в осенне-зимний период в рационе ополовников составляют лишь 6% (Ивлиев, Соколов 1978), причём чаще всего они едят семена ольхи и берёзы (Иноземцев 1965). Основными же объектами питания для них являются насекомые, их яйца, личинки, бабочки (имаго и гусеницы), тли, мелкие жуки, цикады, стрекозы, веснянки, двукрылые, а также пауки (Петров 1954; Иноземцев 1965; Ивлиев, Соколов 1978, Мальчевский, Пукинский 1983; Прокофьева 2003; и др.). В зимнее время спектр кормов значительно сужается.

Зимой 2016/17 года в условиях, когда ветви деревьев были надолго покрыты кухтой, неоднократно наблюдались случаи, когда ополовники употребляли в пищу корма, выкладываемые и вывешиваемые для птиц на кормушках. В числе используемых ими кормов были маргарин (натёртый на кору дуба), несолёное свиное сало, семена подсолнечника (точнее, их остатки после трапезы других синиц), мелкие кусочки свежего белого хлеба (рис. 3-6).

Рис. 4. Ополовники *Aegithalos caudatus* разыскивают остатки семян подсолнечника, упавшие после кормёжки других птиц. Фото автора.

За поеданием крошек булки и подсолнечных семечек ополовники впервые были замечены 11 января 2017: этой пищей кормилась стайка из 10-12 особей. Внешний вид птиц и их активность дают повод не согласиться с мнением Н.Н.Березовикова и И.С.Таболиной (2017), что здоровые, не ослабленные птицы не будут использовать в пищу белый хлеб (и прочие нетипичные виды корма). Это подтверждается и наблюдениями в Ленинградской области (А.В.Бардин, устн. сообщ.).

Рис. 5. Ополовник *Aegithalos caudatus* клюёт маргарин, намазанный на кору дуба. Фото автора.

Рис. 6. Ополовник *Aegithalos caudatus* клюёт кусочек булки. Фото автора.

Рис. 7. Способ поедания белого хлеба ополовником *Aegithalos caudatus*: повиснув на ветке на одной лапе, птица держит кусочек булки в другой лапе и подносит её к клюву.

В дальнейшем на кормушках встречались длиннохвостые синицы по 1-8 птиц. Иногда за время наблюдения эти птицы посещали кормушки до 6-10 раз, их общее число составляло до 22-28 птиц. Одна пара держалась у кормушки постоянно.

В случае с подсолнечными семечками и белым хлебом интересен способ поедания корма. Птица, взяв крошку булки или семечка, цеплялась одной лапкой за ветку и, держа крошку в другой лапке, подносила её к клюву и ела (рис. 7).

Л и т е р а т у р а

- Березовиков Н.Н., Таболина И.С. 2017. Случай питания ополовника *Aegithalos caudatus* хлебом на кормушке в Каркаралинском бору // *Рус. орнитол. журн.* **26** (1430): 1488-1490.
- Ивлиев В.Г., Соколов Б.В. 1978. Семейство толстоклювые синицы Paradoxornithidae // *Птицы Волжско-Камского края. Воробьиные*. М.: 66-68.
- Иноземцев А.А. 1965. Питание длиннохвостой синицы (*Aegithalos caudatus* L.) в Московской области // *Науч. докл. высш. школы. Биол. науки* 3: 30-35.
- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана*. Л., 2: 1-504.
- Петров В.С. 1954. О кормовом режиме и экономическом значении синиц в пойменных лесах Нижнего Днепра // *Учён. зап. Харьков. ун-та* **52**: 181-203.
- Прокофьева И.В. 2003. Результаты наблюдений за питанием пищухи *Certhia familiaris* и длиннохвостой синицы *Aegithalos caudatus* // *Рус. орнитол. журн.* **12** (224): 597-604.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2017, Том 26, Экспресс-выпуск 1466: 2738-2744

Урагус *Uragus sibiricus* в Калачинске и его окрестностях (Омская область) в 2017 году

В.В.Заметня

Вячеслав Васильевич Заметня. Центр красоты и оздоровления «Океания СПА».

Проспект Юрия Гагарина, д. 73, кв.77, Санкт-Петербург, 196143, Россия. E-mail: zametnya@mail.ru

Поступила в редакцию 28 июня 2017

В Калачинске (Омская область) я жил до конца 1990-х годов, но урагуса *Uragus sibiricus* в городе и его окрестностях встречать мне тогда (с 1970-х годов) не приходилось. Как известно, впервые эта птица отловлена под Омском осенью 1908 года (Шухов 1926). На протяжении всего XX века урагус оставался редкой пролётной и ещё более редкой зимующей птицей Омской области (Якименко 2001; Соловьёв 2005). Однако с начала XXI столетия число встреч с ним стало увеличиваться, в 2007 году он был встречен под Омском в гнездовое время (Колпакова

2008, 2016). С 2009 года его встречают здесь уже более или менее регулярно, особенно зимой (Нефёдов 2017).

На территории Калачинского района, со слов местных птицеловов, на протяжении нескольких последних лет происходит заметное увеличение численности урагуса, или полынного снегиря, как называют эту птицу местные жители. Местами он стал обычен, а кое-где многочисленные стаи постоянно наблюдаются во время кормления на засохших зарослях полыни, торчащих из снега. В этом я убедился, когда осматривал окрестности Калачинска (озеро Чёрненькое), село Стародубку и парк имени Ю.А.Гагарина на озере Калач.

Рис. 1. Урагусы *Uragus sibiricus* кормятся семенами амаранта.
Калачинск. 13 февраля 2017. Фото автора.

В феврале 2017 года я неоднократно наблюдал на территории этого парка стайки урагусов, которые кормились семенами полыни, амаранта и других трав (рис. 1-4).

Рис. 2. Урагусы *Uragus sibiricus* кормятся семенами полыни.
Калачинск. 13 февраля 2017. Фото автора.

Рис. 3. Самец урагуса *Uragus sibiricus*. Калачинск. 13 февраля 2017. Фото автора.

Рис. 4. Самка урагуса *Uragus sibiricus*. Калачинск. 13 февраля 2017. Фото автора.

Рис. 5. Самец урагуса *Uragus sibiricus* кормится незрелыми семенами вяза *Ulmus* sp. Калачинск. 27 мая 2017. Фото автора.

Рис. 6. Самец урагуса *Uragus sibiricus* из пары, оставшейся на гнездование в парке имени Ю.А.Гагарина. Калачинск. 31 мая 2017. Фото автора.

Озеро Калач – это водоём природно-антропогенного происхождения с замкнутым водообменом. Его котловина расположена на нижней надпойменной террасе реки Омь и имеет форму подковы. В середине XX

века излучина реки Оми была отделена глухой дамбой от основного русла и превращена в самостоятельный водоём, который является самым большим старичным озером Калачинского района. Оно в виде подковы окаймляет организованный ещё в 1960-х годах парк имени Ю.А.Гагарина, где были высажены неприхотливые быстрорастущие деревья и кустарники, такие как тополь, вяз, карагана, яблоня сибирская, лиственница, берёза и сосна.

Рис. 7. Самка урагуса *Uragus sibiricus* на гнезде, устроенном на вязе на высоте 3 м. Виден только хвост птицы. Парк имени Ю.А.Гагарина. Калачинск. 2 июня 2017. Фото автора.

26 мая 2017 в парке я встретил самца и самку урагусов, которые держались парой на одном месте в зарослях кустарника. 27 мая в этом же месте я повторно встретил эту пару, при этом у самки в клюве был строительный материал. В эти дни урагусы наблюдались кормящимися незрелыми семенами вяза (рис. 5). После этого я стал периодически по утрам встречать в этой части парка лишь одного поющего самца (рис. 6), тогда как самка не показывалась. И только 2 июня в кустарнике обнаружил промелькнувшую самку, которая мгновенно исчезла в кроне вяза. Я стал внимательно разглядывать дерево и на высоте 3 м в развилке ветвей увидел гнездо и торчащий хвост исчезнувшей на моих глазах самки (рис. 7). Я регулярно проверял гнездо с сидящей в нём самкой в течение 4 дней, а самец в это время пел на соседних деревьях. Осмотреть содержимое гнезда не было возможности. Координаты места расположения гнезда: 55°03'06.4" с.ш., 74°35'28.7" в.д.

Литература

- Колпакова Т.Ю. 2008. Встречи урагуса *Uragus sibiricus* в Омской области // *Рус. орнитол. журн.* **17** (404): 354-355.
- Колпакова Т.Ю. 2016. Гнездование урагуса *Uragus sibiricus* в окрестностях Омска // *Рус. орнитол. журн.* **25** (1364): 4421-4422.
- Нефёдов А.А. 2017. К орнитофауне Омской области // *Рус. орнитол. журн.* **26** (1447): 2043-2079.
- Соловьёв С.А. 2005. *Птицы Омска и его окрестностей*. Новосибирск: 1-296.
- Шухов И.Н. 1926. Из результатов орнитологических исследований в Омском округе // *Изв. Зап.-Сиб. отд. Рус. геогр. общ-ва* **5**: 299.
- Якименко В.В. 2001. К орнитофауне Омской области // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Предуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 167-170.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2017, Том 26, Экспресс-выпуск **1466**: 2744-2745

К орнитофауне Катон-Карагайского национального парка

А.Н.Челышев

Второе издание. Первая публикация в 2005*

В результате обследования Катон-Карагайского национального парка с июля по декабрь 2005 года получены данные, позволяющие уточнить видовой состав и характер пребывания некоторых видов.

Большая выпь *Botaurus stellaris*. Ближайшие места встречи выпи во время миграций расположены на озере Маркаколь (Березовиков 1989). В литературных источниках упоминаний о нахождении большой выпи в Бухтарминской долине нет. В посёлке Катон-Карагай 13 августа 2005 обнаружена взрослая птица с повреждённым крылом.

Огарь *Tadorna ferruginea*. Сведений о зимовках огаря в юго-западной части Алтая и в целом на востоке Казахстана в литературе нет (Сушкин 1938; Долгушин 1960). Между тем, в долине реки Бухтармы у села Черновая на речке Ключевой пара огарей регулярно с зимует с 2001 года (М.Г.Самойлов, устн. сообщ.). Зимой 2005/06 года эта пара постоянно держалась рядом со стаей зимующих здесь же крякв *Anas platyrhynchos*, состоящей из нескольких десятков особей. Река Ключевая протекает вдоль окраины села Черновая. Исток её расположен на верхнем краю посёлка и представлен несколькими родниками. Благодаря им речка не замерзает даже в сильные морозы, что создаёт возможности для зимовки здесь огарей и крякв.

* Челышев А.Н. 2005. К орнитофауне Катон-Карагайского национального парка // *Каз. орнитол. бюл.*: 233.

Даурская галка *Corvus dauuricus*. Во время миграций на Южном Алтае известны встречи даурских галок в марте 1982 и 1984 годов в Маркакольской котловине и в марте 1981 и 1983 годов в западных отрогах Нарымского хребта (Березовиков 1989; Березовиков, Воробьёв 2001). В Бухтарминской долине в 2005 году одиночная даурская галка, державшаяся в стае обыкновенных галок *Corvus monedula* и грачей *Corvus frugilegus*, наблюдалась у посёлка Катон-Карагай 26 марта, а у села Топкаин – 21-22 апреля (С.В.Стариков, устн. сообщ.). В конце осени, 2-3 ноября, одиночку видели в селе Черновая и его окрестностях (Б.Таныбеков, устн. сообщ.).

Зарянка *Erithacus rubecula*. Литературных сведений о встречах зарянки на Южном Алтае нет. В садах посёлка Катон-Карагай самца зарянки наблюдали 30 апреля 2005 (С.В.Стариков, устн. сообщ.) и одиночную зарянку видели 11 декабря 2005.

Л и т е р а т у р а

- Березовиков Н.Н. 1989. *Птицы Маркакольской котловины (Южный Алтай)*. Алма-Ата: 1-200.
- Березовиков Н.Н., Воробьёв И.С. 2001. Птицы западных отрогов Нарымского хребта (Южный Алтай) // *Рус. орнитол. журн.* **10** (170): 1067-1086.
- Долгушин И.А. 1960. *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, **1**: 1-470.
- Сушкин П.П. 1938. *Птицы Советского Алтая и прилежащих частей Северо-Западной Монголии*. М.; Л., **1**: 1-320; **2**: 1-436.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2017, Том 26, Экспресс-выпуск **1466**: 2745-2748

О похищении восточными чёрными воронами *Corvus corone orientalis* продуктов и использования в пищу мыла

Н.Н.Березовиков

Николай Николаевич Березовиков. Отдел орнитологии и герпетологии, Институт зоологии, Министерство образования и науки, проспект Аль-Фараби, 93, Алматы, 050060, Казахстан.
E-mail: berezovikov_n@mail.ru

Поступила в редакцию 25 июня 2017

В последнее время в печати появились интересные сообщения о случаях использования в пищу хозяйственного и туалетного мыла птицами: большими синицами *Parus major* и поползнями *Sitta europaea* (Прокофьева 1998, 2001; Прохоров 2010, 2017; Кныш 2014). В годы работы в Маркакольском заповеднике на Южном Алтае мне дважды

довелось столкнуться со случаями, когда хозяйственное мыло расклёвывали и поедали восточные чёрные вороны *Corvus corone orientalis*. Они были зафиксированы в полевых дневниках, поэтому привожу их на основании этих записей. Но прежде, чем их изложить, хотелось бы рассказать о событиях, которые предшествовали этому.

Во время полевых исследований в Маркакольском заповеднике в 1980-1985 годах каждую весну и лето мне приходилось останавливаться в старой избе у речки Жиреньки, расположенной в северной части озера Маркаколь у подножия одного из отрогов Курчумского хребта. До организации заповедника здесь функционировала совхозная скотоводческая зимовка, представлявшая собой длинную бревенчатую кошару с веточно-соломенной крышей. Позднее пустующий чабанский дом около неё стали использовать весной в качестве временного егерского кордона во время нерестового периода, а летом и осенью – для ночёвок во время пеших и конных маршрутов на Курчумский хребет. Рядом с избой на обрывистом берегу речки Жиреньки стоял длинный тесовый стол с лавками, около которого находилось кострище с таганом, на котором готовилась пища.

При каждом посещении в мае и июне мне приходилось заставлять здесь одну и ту же картину: скопление неразмножающихся чёрных ворон, отдыхавших на жердях изгороди, крышах кошары и избы, носивших следы их постоянного пребывания в виде многочисленных белых потёков помёта. Так, с 13 по 25 мая 1982 здесь держалось 25, а с 14 по 18 июня 1983 – 12 таких «холостяков». Позднее, в июле и августе, к ним присоединялись выводки с самостоятельным молодым из числа пар, гнездившихся поблизости, образуя большую стаю. В дневное время вороны обычно расхаживали по соседней луговине, занимаясь ловлей прямокрылых, но как только люди расходились с кордона по делам, вороны одна за другой слетались к столу и кострищу, отыскивая остатки пищи на земле. После этого они обследовали стол, и если на нём оставался хлеб и другие продукты, торопливо расхищали их, разлетаясь в разные стороны. Подобные хищения случались часто. После этого мы вынуждены были убирать со стола всё съестное или прикрывать продукты чашками. Но и эта предосторожность не помогала. Посуда оказывалась отброшенной, а всё съестное исчезало. Однажды, отправляясь на экскурсию, я унёс всю пищу в дом, а оставшийся на столе кусок хозяйственного мыла накрыл чашкой. Каково же было моё удивление, когда вернувшись вечером обратно, обнаружил, что чашка сброшена на землю, а от мыла остались лишь мелкие крошки.

Применяли вороны и другую тактику похищений, посещая стол ранним утром, пока люди спали в доме. Обычно после ужина и вечернего чаепития на столе в большой чашке или сковороде откладывали на завтрак отварную рыбу – крупных ускучей *Brachymystax lenok*, на-

крывая сверху полотенцем. В таких случаях после посещения стола воронами от рыбы оставались лишь одни скелеты и отброшенные в сторону полотенца.

Вот одна из характерных записей в моём полевом дневнике от 15 июня 1983: «Рано утром со стола из-под чашки утащили кусок сала, несколько ломтей хлеба и остатки варёной рыбы». Другая запись от 16 июня 1983: «Рано утром опять растаскали со стола весь оставленный хлеб, жареную рыбу, на берегу речки, где умываемся, расклевали наполовину оставленный на камне кусок хозяйственного мыла». К этим наблюдениям можно добавить, что периодически в похищениях пищи участвовали и сороки *Pica pica*, пара которых гнездилась в соседних пойменных зарослях.

Подобное поведение чёрных ворон у кордона объяснялось тем, что они не преследовались живущими здесь людьми, так как эта территория была заповедной зоной и стрельба по воронам с целью отпугивания не велась. Об этом свидетельствует и выражение егеря, дежурившего здесь: «Раньше, когда не было заповедника, вороны за километр деревню облетали». Действительно, в 1970-1980-е годы я был свидетелем изменений в поведении ворон и формирования у них новых антропофильных черт. В эти годы чёрные вороны стали регулярно гнездиться по окраинам маркакольских сёл, а в некоторых из них даже селились на старых берёзах в усадьбах и в полисадниках (Березовиков 2004). После вылета из гнёзд молодняк перемещался в деревенские огороды, где их всё лето можно было видеть сидящими на изгородях, сеновалах, поленницах дров, крышах сараев, бань, проводах и перекладинах опор ЛЭП и отдельных деревьях. Запрет стрельбы из охотничьего оружия в населённых пунктах строго соблюдался и вороны, словно понимая это, держались близ жилья человека, чувствуя себя в своеобразной зоне безопасности.

В последующие годы мне ещё несколько раз доводилось быть свидетелем расхищения воронами пищи, оставленной в открытом виде в экспедиционном лагере или около лесных избышек, но случаев поедания ими мыла больше не отмечалось.

Л и т е р а т у р а

- Березовиков Н.Н. 2004. Птицы населённых пунктов Маркакольской котловины (Южный Алтай) // *Рус. орнитол. журн.* **13** (249): 3-15.
- Кныш Н.П. 2014. О потреблении большими синицами *Parus major* необычного корма – мыла и зёрен кукурузы // *Рус. орнитол. журн.* **23** (970): 512-513.
- Прокофьева И.В. 1998. Использование пищевых отходов человека воробьиными птицами в летнее время // *Рус. орнитол. журн.* **7** (48): 3-9.
- Прокофьева И.В. 2001. Забота о птенцах и питание поползней *Sitta europaea* // *Рус. орнитол. журн.* **10** (168): 1019-1027.
- Прохоров В.Г. 2010. Необычное кормовое поведение большой синицы *Parus major* // *Рус. орнитол. журн.* **19** (579): 1123.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2017, Том 26, Экспресс-выпуск 1466: 2748-2753

О зимних ночёвках синиц в Предбайкалье

Г.Б.Зонов

Второе издание. Первая публикация в 1967*

Сведения о местах ночлега птиц в Предбайкалье почти отсутствуют, за исключением заметки Г.Б.Зонова и Б.Г.Водопьянова (1963) о зимних ночёвках буроголовых гаичек *Parus montanus*. Зимой 1962-1965 годов в Иркутском районе нами проводились наблюдения за ночёвками синиц. В лесах возвышенностей и сопок Предбайкалья массовым видом синиц является пухляк, или буроголовая гаичка *Parus montanus*, встречаемость которого достигает 50% всех остальных. Затем следуют ополовник, или длиннохвостая синица *Aegithalos caudatus* – 30%, болотная гаичка *Parus palustris* – 18% и большая синица *Parus major* – 2%. В поймах рек соотношение видов меняется. Встречаемость ополовника – 40%, болотной гаички – 30%, пухляка – 20% и большой синицы – 10%. Здесь иногда появляются единичные московки *Parus ater*. Днём синицы кормятся в скоплениях, которые состоят обычно из разных видов синиц и других птиц тайги. К вечеру из общей группы птиц отделяются особи одного вида, и каждая отделившаяся стайка приближается к месту своего ночлега. В таблице 1 приводится распределение синиц по местам ночёвок.

Таблица 1. Места ночёвок синиц и ополовников в Предбайкалье

Вид	Число наблюдений	Укрытия (% встреч)						
		Дупла	Беличьи гнёзда	Норы грызунов и отверстия в земле	Подснежные пустоты	Ветки деревьев и кустов	Сплетение корней	Щели крыш и строений
<i>Parus montanus</i>	54	3.7	1.8	89	5.5	–	–	–
<i>Parus palustris</i>	4	–	–	+	–	–	–	–
<i>Parus major</i>	26	19	–	–	19	–	–	62
<i>Aegithalos caudatus</i>	20	–	5	–	50	35	10	–

* Зонов Г.Б. 1967. О зимних ночёвках синиц в Предбайкалье // Орнитология 8: 351-354.

Пухляк *Parus montanus*. Вечером пухляков можно встретить стайками от 3 до 5 особей. Основным местом ночлега этих гаичек служат нежилые норы грызунов, расщелины корней, уходящих под мох. Реже они ночуют в дуплах, нежилых беличьих гнёздах и подснежных пустотах (табл. 1). Пухляки появляются около своих нор за 10-15 мин до захода солнца и кормятся некоторое время. Затем делают несколько вольных перелётов по соседним деревьям и, почистив клюв, садятся на растущее рядом с местом ночлега дерево; затем они ныряют в сделанные ими ранее отверстия в снегу. Иногда они пользуются пустотами, которые образуются в снегу от раскачивания ветром веток и стволов молодых деревьев. Мы наблюдали, как пухляки скрывались в таких отверстиях, и, разбросав снег, мы обнаруживали выход норы грызуна. Для того, чтобы убедиться, что птицы действительно находились в норах, выходы засыпались снегом, а утром неизменно обнаруживались вновь открытые отверстия нор, а около них следы ног и крыльев синиц. Пухляков, ночующих в дуплах, мы отмечали почти до конца октября. Примерно в это время наступает резкое похолодание и выпадение снега. После первых морозов пухляки чаще ночуют под снегом. Возможно, они ещё до установления постоянного снежного покрова отыскивают нежилые норы грызунов и с наступлением холода начинают скрываться в них на ночь. С выпадением снега они легко проделывают в нём проход, стенки которого обмерзают, а около выхода норы под снегом образуется камера, покрытая изнутри льдом. В дальнейшем они пробивают вновь выпадающий снег, так как ночуют каждую ночь в одном и том же месте. К концу зимы толщина снежного покрова возрастает, поэтому нередко образуется «колодец» с ледяными стенками, ведущий к выходу норы. Небольшие снегопады не доставляют особых хлопот птицам. Но часто после продолжительного снегопада отверстие в снегу оказывается настолько засыпанным, что синицам приходится прокладывать рядом новый ход, который, соединяясь с прежним, образует изломанную линию «колодца». Можно удивляться скорости, с которой гаички откапывают свои проходы к земле. 20-сантиметровый ход они проделывают за 10-15 с. Для этого птица садится на снег и вращательными движениями головы начинает углубляться в него, помогая себе быстрыми взмахами крыльев. Но иногда синицы так и не могут пробиться к своей норе и улетают в поисках временного пристанища на ночь. В следующий вечер пухляки снова прилетают к старому месту ночлега и снова пытаются пробить ход к своему убежищу. При этом они точно определяют место нахождения отверстия, засыпанного снегом. Диаметр наружного отверстия на снегу колеблется от 3 до 6 см, а ледяной камеры от 5 до 15 см. Пухляки чаще всего предпочитают норы грызунов на склонах и дне распадка. Если синицы ночуют на склоне, то обычно не далее 50-70 м от его подошвы. Раскопка мест, где ночуют

птицы, показала, что никакой закономерности в выборе норы по её форме не наблюдается. Диаметр нор бывает разным и колеблется от 4 до 10 см. Но глубина от поверхности почвы, где спят пухляки, обычно бывает двоякой. Синицы устраиваются на ночь либо в рыхлом мохово-дерновом слое, или же значительно глубже, там, где земля не промерзает. Подстилку из сухой хвои лиственницы и листьев они сооружают не во всех норах. Присутствие человека вечером около мест ночлега беспокоит птиц, но к частым посещениям человеком ночёвок гаички быстро привыкают и ныряют под снег буквально в 2-3 м от наблюдателя. Рано утром пухляки вылетают на поверхность и, перекликаясь, собираются в стаи. После непродолжительной кормёжки возле своих ночных убежищ они отправляются на поиски пищи в другие районы леса. Трёхгодичные наблюдения за норами пухляков показали, что птицы в течение зимы постоянно ночуют в одних и тех же укрытиях. Лишь в редких случаях синицы покидают эти места, причиной чему бывают сильные снегопады, заваливающие отверстия в снежном покрове, или же образование наста в феврале. На следующий год пухляки ночуют в новых убежищах, навсегда оставляя старые.

Ополовник *Aegithalos caudatus*. Наблюдались два основных способа ночёвок этих птиц; первый на ветках ели и других хвойных (Дубровский 1958; Омелько 1964), а второй – под снегом в естественных нишах на земле. Кроме того, ополовники иногда ночуют и в нежилых беличьих гнёздах, в сплетениях корней поваленных деревьев (табл. 1). Они кормятся вечером до более позднего времени, чем остальные пернатые. За 5-10 мин до захода солнца длиннохвостые синицы начинают постепенно передвигаться к месту своего ночлега. Часто приходится наблюдать, как даже через 15-30 мин после захода солнца птицы перелетают по распадкам, заросшим елью. Чем темнее становится вокруг, тем все ближе и ближе друг к другу находятся в стайке длиннохвостые синицы. В густых сумерках стайка напоминает рой пчёл. Птицы летят на расстоянии 10-20 см друг от друга, задерживаясь на ветках елей и лиственниц, обшаривая трещины коры и не переставая перекликаться. Через 20-35 мин после захода солнца они рассаживаются на средних ветках дерева по 4-6 особей рядышком, прижавшись друг к другу. Перед тем как уснуть, зачастую дерутся и кричат. Некоторые ополовники для ночлега опускаются под снег и спят в естественных нишах, образованных нависшим мхом, корнями или даже камнями. Однако проделывать отверстия в снегу, подобно гаичкам, они, видимо, не могут и проникают в свои укрытия по ходу веток, спускающихся под снег. В одной из таких естественных камер под нависшим камнем на подстилке из сухой хвои и листьев ночевали 2 длиннохвостые синицы. Они прилетали сюда каждую ночь и спали рядом на кучке экскрементов. Тут же был разбросан кал обитающих здесь рыжих полёвок.

Большая синица *Parus major*. В зимнее время эти птицы держатся в основном по окраинам городов, в сёлах, а также в поймах рек. Для ночёвки в городе и сёлах они выбирают различные постройки. На ночь прячутся в щели крыши и стен этих строений по одной особи в каждом облюбованном ими месте. Перед тем как уснуть, возбуждённо кричат, вертятся около своих ночных пристанищ. В поймах рек большие синицы вечером кормятся небольшими стайками от 3 до 6 птиц. Через 5-15 мин после захода солнца каждая синица направляется к своему месту ночлега, которое удалено от соседнего на 100-250 м. Разлетевшиеся синицы не перестают перекликаться. Внезапно, словно по какому-то сигналу, они умолкают. В таких биотопах синицы ночуют либо в дуплах, находящихся в сухих стволах черёмухи и ивы на высоте от 1 до 2.5 м, либо в подснежных пустотах, которые образуются между полёгшими осенью сухими травами и почвенным слоем. Птицы спускаются под снег, используя незаполненные снегом пространства вокруг веток и стволов молодых деревьев. Эти пространства образуются от раскачивания ветром стволов и веток и по их ходу ведут в подснежные пустоты. Ночёвки больших синиц в дуплах обычно постоянны. Каждую ночь они спят в одних и тех же укрытиях, подстилка которых состоит из измельчённых древесных волокон, нащипанных большими синицами с внутренних стенок дупла. Сверху подстилка покрыта кучками экскрементов слоем толщиной 5-10 см. Диаметр выходных отверстий дупел колеблется от 3 до 7 см. В конце февраля 1963 года мы отметили ночёвку 2 больших синиц в одном дупле, тогда как обычно они спят поодиночке. В подснежных пустотах большие синицы проводят ночь по одной особи в каждой камере.

Болотная гаичка *Parus palustris*. Подобно пухлякам, болотные гаички ночуют в нежилых норах грызунов. Поведение болотных гаичек отличается от такового у пухляков тем, что гаички ведут себя около своих ночных укрытий более возбуждённо и иногда скрываются под снегом, не задерживаясь на ветках близрастущих деревьев.

Все перечисленные нами виды синиц, обитающие в Иркутском районе, ночью бывают часто связаны с норами грызунов, дуплами и подстилкой леса. Выводы Г.Д.Дулькейта (1960) о ночёвках мелких насекомоядных птиц на Алтае носят противоположный характер. Он пишет: «Насекомоядные птицы ночуют зимой в дуплах, щелях в коре; просто в развилках между стволами и ветвями на некоторой высоте от поверхности снега. Большие синицы постоянно ночуют в постройках, занимая те же ниши, что и воробьи. Отдельные случаи ночёвок мелких насекомоядных птиц в снегу известны, но редки». Вероятно, мелким птицам Алтайской тайги, где снеговой покров в несколько раз мощнее такового в Предбайкалье, трудно пробиться к земле и они спят в щелях коры и дуплах.

Время засыпания и пробуждения синиц приведено в таблице 2, где приводятся средние сроки пробуждения и засыпания для трёх зимних периодов.

Таблица 2. Время пробуждения и засыпания синиц и ополовников зимой в Предбайкалье

Виды	Периоды зимы					
	Ноябрь – середина декабря		Середина декабря – середина . февраля		Середина февраля – март	
	Пробуждение	Засыпание	Пробуждение	Засыпание	Пробуждение	Засыпание
<i>Parus montanus</i>	8 ч 05 мин	17 ч 12 мин	8 ч 25 мин	17 ч 25 мин	7 ч 30 мин	18 ч 10 мин
<i>Parus major</i>	8 ч 00 мин	17 ч 15 мин	8 ч 20 мин	17 ч 30 мин	7 ч 25 мин	18 ч 20 мин
<i>Aegithalos caudatus</i>	7 ч 50 мин	17 ч 40 мин	8 ч 00 мин	17 ч 50 мин	7 ч 14 мин	18 ч 39 мин

Раньше всех отправляется на ночёвку под снегом пухляк. Как указывалось, пухляки ночью лучше остальных синиц приспособились к суровому сибирскому климату, поскольку спят в нежилых норах грызунов. Несколько позже их скрывают в своих убежищах большие синицы, которые ночуют в худших условиях, чем гайчики. И последними прекращают кормиться ополовники, ночующие иногда на ветках. Утром раньше всех просыпаются ополовники, затем большие синицы и последними пухляки. Эти наблюдения полностью согласуются с выводом Ашоффа и Вевера (Aschoff, Wever 1962) о том, что «чем раньше данный вид просыпается, тем позже он засыпает».

Возможно, что лучшие условия зимних ночёвок птиц позволяют им затрачивать меньшее количество энергии, поэтому время кормёжки у этих птиц короче, чем у видов, проводящих ночь в худших условиях.

Зимние ночёвки синиц под снегом в норах, в естественных почвенных нишах и под навесами трав могут иметь определённое эпизоотологическое значение для объяснения передачи вируса клещевого энцефалита в этот период. Теплом своего тела синицы в ночное время могут повышать температуру почвы и нор и пробуждать зимующих здесь эктопаразитов. Следующий этап исследований включает детальное изучение видового состава и роли клещей и других эктопаразитов в местах зимних ночёвок птиц.

Л и т е р а т у р а

- Дубровский Ю.А. 1958. Экологические особенности стай длиннохвостых синиц // *Зоол. журн.* **37**, 2: 305-308.
- Дулькейт Г.Д. 1960. Зимняя жизнь птиц в тайге северо-восточного Алтая // *Тр. проблемн. и темат. совещ. Зоол. ин-та АН СССР* **9**: 175-190.
- Зонов Г.Б., Водопьянов Б.Г. 1963. Зимние ночёвки буроголовых гайчек в норах грызунов // *Докл. Иркут. противочумн. ин-та* **5**: 153-155.

- Омелько М.А. 1964. Зимующие птицы Приморья // *Охрана природы на Дальнем Востоке*. Владивосток, 2: 131-136.
- Aschoff J., Wever R. 1962. Beginn und Ende der täglichen Aktivität freilebender Vögel // *J. Ornithol.* 108: 2-27.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2017, Том 26, Экспресс-выпуск 1466: 2753-2754

О гнездовании дубоноса *Coccothraustes* *coccothraustes* в Окском заповеднике

Ф.В.Иванов

*Второе издание. Первая публикация в 1967**

На основании исследований в Окском заповеднике и в Рязанской области, проведённых в 1936-1954 годах, Е.С.Птушенко (1958) отметил дубоноса *Coccothraustes coccothraustes* как редкую, встречающуюся здесь только летом птицу. При этом, по Птушенко, дубоносы на гнездовье не встречаются, хотя в соседней, более северной Московской области они гнездятся. Разбирая картотеку заповедника, я нашёл запись встречи гнезда дубоноса с 5 яйцами на территории заповедника 12 июня 1955. В 1958 году в районе кордона Липовая гора в пойменном дубняке Оки мной было найдено второе гнездо с яйцом-болтуном и 4 только что вылупившимися птенцами; оно было расположено на дереве у самого ствола на высоте около 3 м от земли. Когда я начал подниматься на дерево, птица слетела. При проверке гнезда через несколько дней оно оказалось брошенным, хотя более его никто не посещал. В этом же году, несмотря на тщательные поиски, гнёзд дубоноса не было обнаружено. Однако на следующий, 1959 год в том же районе было найдено 6 гнёзд дубоноса, причём после нахождения гнезда (т.е. после первого же его посещения) все они были брошены птицами. В 1960 году после не очень тщательных поисков было опять найдено 4 гнезда, в которых птицы благополучно вывели потомство. В 1961-1963 годах дубоносы стали в этом районе самыми обычными птицами. Птицы не бросали найденных гнёзд после ряда посещений и даже после изъятия одного яйца ненасиженной кладки. Прилёт в район заповедника – 8-15 апреля (1961-1963), однако массовый пролёт наблюдается в конце апреля. В начале мая строятся гнёзда, а в середине мая происходит откладка первых яиц (14 мая 1962 – самая ранняя встреча гнезда с 1 яйцом). Количество яиц в кладке 4-6 (по 15 гнёздам).

* Иванов Ф.В. 1967. О гнездовании дубоноса в Окском заповеднике // *Орнитология* 8: 355.

Птушенко Е.С. 1958. Список птиц Окского заповедника и Рязанской области // *Тр. Окского заповедника* 2: 192-206.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2017, Том 26, Экспресс-выпуск 1466: 2754-2755

Наблюдения птиц на бывшем дне Аральского моря в мае 2007 года

А.Ф.Ковшарь

*Второе издание. Первая публикация в 2008**

С 30 апреля по 7 мая 2007, благодаря любезности дирекции заповедника, нам совместно с З.Ж.Алимбетовой, герпетологом Института зоологии М.А.Чириковой и старшим научным сотрудником Института ботаники и фитоинтродукции Л.А.Димеевой удалось совершить недельную поездку по маршруту: город Аральск – село Каратерень – урочище Кокарал – село Каратерень – урочище Каскакулан – урочище Бигмана – село Каратерень – Барсакельмес – село Каратерень – Аральск. Наблюдения за птицами велись как с автомобиля, так и во время пешеходных экскурсий, с фиксацией всех встреченных особей птиц в полевом дневнике и в диктофоне (во время езды). Всего во время поездки встречены птицы 90 видов, из которых представители 16 видов являются пролётными, остальные гнездятся в данном районе. Краткие результаты маршрутных учётов птиц опубликованы в ежегоднике «Selevinia-2007», полный орнитологический отчёт – в сборнике трудов Барсакельмесского заповедника (2008). Ниже приводим наиболее интересные сведения по некоторым редким видам птиц.

Кудрявый пеликан *Pelecanus crispus*. Две группы (7 и 23 особи) встречены 1 мая у шлюзов Малого моря, по которому сбрасывается избыток воды. В этом месте создаются идеальные условия для ловли мелкой рыбы и здесь, несмотря на сильный ветер, перешедший в пыльную бурю, кормилось много чаек и крачек, в том числе: **черноголовый хохотун** *Larus ichthyaetus* – 1, **сизая чайка** *Larus canus* – 56, **хохотунья** *Larus cachinnans* – 80, **озёрная чайка** *Larus ridibundus* – больше 100, **чайконосая крачка** *Gelochelidon nilotica* – больше 100, **чеграва** *Hydroprogne caspia* – 6.

Степной орёл *Aquila nipalensis*. Встречен на острове Барсакельмес, где 5 мая в разных частях острова мы насчитали 16 особей, а 6 мая – 13 (чаще одиночками, реже – по 2). На обратном пути в Аральск 7 мая 2007 один степной орёл отмечен между озёрами Сарыколь и Камышлыбаш.

* Ковшарь А.Ф. 2008. Наблюдения птиц на бывшем дне Аральского моря в мае 2007 г. // *Каз. орнитол. бюл.* 2007: 52-53.

Большой кроншнеп *Numenius arquata*. Один большой кроншнеп встречен 1 мая у села Каратерень и стоя из 18 особей, видимо, сбившаяся с пути во время пыльной бури, летевшая над абсолютно голой поверхностью бывшего морского дна на полпути между островом Барсакельмес и селом Каратерень.

Каспийский зуёк *Charadrius asiaticus*. Группа из 14 каспийских зуйков встречена 2 мая 2007 на осушённой части морского дна между селом Каратерень и урочищем Каскакулан; ещё группа из 6 птиц – во время пыльной бури 7 мая над осушкой по маршруту Барсакельмес – Каратерень, ближе к последнему.

Степная тиркушка *Glareola nordmanni*. Группа из 6 степных тиркушек встречена 1 мая 2007 над осушкой в районе Малого Арала; одиночка – 2 мая между Каскакуланом и урочищем Бигмана; ещё 3 тиркушки отмечены 5 мая на острове Барсакельмес, в районе центральной усадьбы заповедника.

Саджа *Syrnhyphantus paradoxus*. Две группы общей численностью 17 птиц утром 2 мая прилетали на водопой в урочище Каскакулан; группа из 4 садж встречена 4 мая на острове Барсакельмес над коренным берегом восточной части острова; 5 садж вспугнуты 5 мая среди биюргунников между центральной усадьбой и чинком южного берега; ещё 3 саджи 6 мая 2007 пролетели над центральной частью острова.

Чернобрюхий рябок *Pterocles orientalis*. Пара рябков отмечена 1 мая 2007 над морской осушкой в районе Малого Арала. Ещё одна группа из 6 чернобрюхих рябков 7 мая взлетела с песчаного бугра между озером Камышлыбаш и железной дорогой.

